

О ВИДАХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В своих определениях неологизма исследователи выделяют разные критерии, подчас вступающих между собой в противоречие : временной критерий, критерий лексикографический, критерий личностный-коллективный, индивидуальный-узуальный и пр. Создаются разные классификации, базирующиеся на тех или иных принципах. Однако общим и основным критерием в определении неологизма у всех исследователей является «ощущение новизны», воспринимаемое как на уровне формы, так и на уровне смысла.

Почувствовать новизну формальную, реализующуюся в отдельном слове, нетрудно, ведь любая номинация, называя новые, неизвестные реалии, обладает неологическим эффектом. Так, например, такие разные по своей природе слова, как *la montgolfière* (1782 г., по имени его изобретателя), *un deux-roues* (сложное слово, появившееся к 1960 г.), *l'aéroglysseur* (1964 г.) или же *le rollerskate*, заимствованное из английского в 1985 г., сразу же после появления в языке были восприняты как слова новые, называющие новые, неизвестные ранее реалии. Понимание неологизма, ограничивающееся преимущественно именно этим типом «формальной» креативности, доминировал достаточно продолжительное время, начиная с 19 в. – периода расцвета исторической грамматики. Исследователи редко выходили за рамки отдельного слова, язык рассматривался как сочетание определенного лексикона – все возрастающего – и определенного синтаксиса, то есть определенных правил, лежащих в основе функционирования слов.

Однако уже применительно к семантическим неологизмам (т.е. при неизменности формы слова) оказывается сложнее решить вопрос о границах старого и нового, понять, идет ли речь лишь о семантическом сдвиге у существующей единицы, реализующим полисемию, или же о создании и фиксации уже отдельного нового смысла, о появлении семантической инновации - омонима. Таким образом, появляются определенные трудности с выявлением объекта исследования, с критериями выделения неологической единицы.

Еще сложнее определить объект исследования – неологизм - применительно к лексиколизированным словосочетаниям, которые исследователи называют по-разному: оборотами (*locutions*), синапсиями (*synapsies*) – по определению Бенвениста, синтемами (в терминологии А.Мартине) или же связанными (лексиколизированными) синтагмами (*syntagmes lexicalisés*) по определению П.Жильбера. Чем определяется «эффект новизны» появившихся в 80-е годы оборотов типа *traversée du désert*, *clé en mains* или *qualité de la vie*, которые П.Жильбер включает в корпус своего «Словаря современных слов»[3]? Автор объединяет их под рубрикой «*procédés syntaxiques*», ставя таким образом во главу угла синтаксическую основу подобных сочетаний. Однако

можно ли в этом случае говорить о синтаксической неологии? Представляется, что нет, поскольку новое значение реализуется здесь в рамках абсолютно «правильных» синтаксических конструкций, ничего «нового» здесь в синтаксисе нет. Говорить же о синтаксической неологии нам кажется правомерно лишь в случае констатации определенного «отклонения», нарушающего тем или иным образом установленную синтаксическую норму. Каковы же тогда критерии выделения собственно синтаксического неологизма? Какие инновации связаны с явлениями именно синтаксического порядка?

Надо заметить, что в вопросе о статусе синтаксического неологизма царит терминологическая неопределенность. Сам термин редко встречается в современных классификациях, те же исследователи, которые к нему обращаются, понимают под синтаксической неологией совершенно различные явления.

Для одних (и прежде всего для представителей генеративистского направления, таких, напр., как Л.Гильбер) этот статус имеют все единицы, созданные путем словосложения и аффиксации, поскольку в основе их создания лежат синтаксические процессы, они строятся как синтаксические структуры. Признавая синтаксический характер вторичных единиц номинации, их, тем не менее, кажется неправомерным относить к неологизмам синтаксическим, поскольку соединение составляющих их компонентов имеет лишь синтаксикоподобный характер, между ними нет показателей связи, эти связи всегда имплицитны.

Мы склонны поддержать точку зрения тех исследователей [6][7], которые относят к синтаксической неологии случаи конверсии, поскольку создаваемый «неологический эффект» здесь связан исключительно со сменой категориальной принадлежности, то есть с явлением чисто синтаксического порядка. Новые единицы, образованные по конверсии, получающие характеристики другой части речи и новую парадигму, приобретают новые синтаксические функции и (вследствие этого) новую лексическую сочетаемость. Неология по конверсии очень распространена в настоящее время, особенно в разговорной речи, в речи молодежи. Прилагательные легко становятся наречиями: J' hallucine (je suis stupéfait [4]) grave , total « я абсолютно ничего не понимаю»; habillez-vous confortable «одевайтесь удобно», и наоборот, наречие выступает как прилагательное: Il est trop «он потрясающий», «классный», или, наоборот, «он ужасен»; глаголы становятся существительными: la glisse (sports de glisse - ski, surf, roller, skate-board etc.), la gagne «победа, воля к победе», и наоборот, существительное получает глагольную парадигму: ça m'esclave sévère (напомним, что мы имеем дело с конверсией, поскольку в глаголе esclaver ег- является не суффиксом, а глагольным окончанием). В данном высказывании реализуется двойная конверсия: существительное (esclave) функционирует как глагол, а прилагательное (sévère) - как наречие. Существительные приобретают характеристики прилагательных: Il est vachement colère, причастия же выступают как существительные: un

oscarisé, le déjà-lu. Подобный тип синтаксической неологии в силу своих новых сочетательных возможностей чрезвычайно востребован и в языке рекламы: Il Exel, il Word, il e-mail, il MP3, il e-book, il Internet, il GPRS et en plus il téléphone [6, с.110] (рекламный слоган марки мобильного телефона, построенный на кумуляции конверсий существительного в глагол) .

Наблюдаемый неологический эффект, «эффект неожиданности» при создании подобных единиц очевиден, и связан он с ощущением некоторого синтаксического «отклонения».

Однако, мы полагаем, что о синтаксической неологии можно говорить и применительно к явлениям иного типа, ведь ощущение новизны может быть обусловлено также необычностью новых, непривычных **комбинаций единиц**, неожиданностью их объединения в синтаксическое целое.

В современном языке появляются конструкции, связанные с нарушением известной нормы, иллюстрирующие то, что французские лингвисты называют «синтаксической свободой» [7, с. 335]. Эта свобода проявляется, в частности, в регулярных модификациях исходной синтаксической конструкции, например, в «сбое» глагольного управления. Этот тип инноваций выделяется и описывается редко. В частности, авторы книги «Les néologismes» Прюво и Саблероль [6, с.110] выделяют так называемую «комбинаторную неологию» (*la néologie combinatoire*), основанную на изменении имеющейся синтаксической конструкции. Эти лингвисты, впрочем, не считают себя первыми в освещении синтаксических аспектов неологии. Они отмечают, что еще в конце 19 века авторы семитомного словаря *Le Nouveau Larousse Illustré* (1898-1907)[5] указывали, что в основе языковых инноваций могут лежать не только лексико-семантические, но и синтаксические процессы и в качестве примера *синтаксического неологизма* приводили косвенно-переходное употребление глагола *se rattacher de qqch*. Прюво и Саблероль ссылаются также и на известное исследование Ф. Брюно *Histoire de la langue française* [2, т. XII, с.287], где упоминается этот тип языковых инноваций, иллюстрируемый примерами переходных употреблений изначально непереходных глаголов типа *râmer, ricaner* или *étoiler*: *les phalènes pâment leurs lèvres aux baisers de la nuit*; *-Feu de vos hallebardes, leur ricana le boucher Isaac*; *Que de fois j'ai étoilé d'une bougie les grottes souterraines...*

В современных исследованиях состояния французского языка и языковой креативности, связанных с именами П.Жильбера, А.Вальтер, А.Борреля, С.Брюне, П.Мерля, Ж.-П.Гудайе, отмечается, что в настоящее время язык, особенно «*le branché*» и язык молодежи, демонстрирует предрасположенность к подобным синтаксическим инновациям. Широкое распространение получили некоторые абсолютные (т.е. непереходные, безобъектные) конструкции глаголов, обычно являющихся прямопереходными: *il assure*, = *il est compétent*; *ça craint* (в значении «плохо»): напр., в рекламе: *La Sécu, c'est bien, en abuser, ça craint*; *je calme* (= *je me calme* – пример Прюво и Саблероль), *ça donne* в значении «это

нечто!»: Les chaussettes à pois verts avec les pompes roses, ça donne ! (пример S.Brunet [1, с.138]).

И напротив, некоторые непереходные глаголы начинают употребляться с прямым дополнением: le loisir *nous évade* de la lassitude ; *ironiser qqch.* (ironiser un passage), *démarrer qqch.* (démarrer une tâche, une affaire); *penser qqch.*, (penser conserves) (пример Н.Walter [8, с.335]). Прямообъектное употребление глагола *penser* в значении «concevoir dans sa totalité, embrasser par la pensée» мы встречаем в следующей цитате: *Ma vraie devise d'homme : me penser moi-même le moins possible, et penser toutes choses* (Alain).

Автор «Словаря современных слов» П.Жильбер [3] также относит различные модификации глагольного управления к инновациям синтаксическим. Так, *démarrer*, долгое время остававшийся непереходным, расширил круг своих «переходных» употреблений: *démarrer la campagne électorale, démarrer le mouvement, le processus,* и т.д. Этот чисто синтаксический сдвиг сопровождается изменением значения: новая семантика *démarrer qqch.* (*commencer qqch., entreprendre qqch.*) уже отличается от значения непереходного глагола *démarrer = mettre en mouvement*. К тому же, субъект переходного глагола может быть одушевленным: *un tel a démarré un événement, la campagne électorale,* тогда как субъектом непереходного глагола выступает неодушевленное существительное: изначально – корабль, затем – какое-либо транспортное средство, мотор, и т.д. (*la voiture a démarré*).

Новизна значений рассмотренных глаголов (*penser qqch., démarrer qqch., ça craint, ça donne, il assure* и пр.) наводит на мысль о том, что перед нами примеры семантических неологизмов. Однако, мы попытались показать, что изменения семантические являются лишь следствием изменений синтаксического порядка (нарушения глагольного управления, повлекшего изменение лексической сочетаемости единиц), а вследствие этого – и значения.

Часто подобные синтаксические отклонения остаются либо незамеченными, либо связываются с ошибкой, неправильным употреблением, достойным осуждения. Однако синтаксическое «поведение» единицы является неотъемлемой частью ее внутренней структуры, ее «потенциальной» возможностью, и всякое отклонение от нормального функционирования свидетельствует о неологическом сдвиге. Никогда нельзя с уверенностью предсказать, сможет ли то или иное «неправильное» употребление стать узуальным и впоследствии, возможно, войти в норму. Некоторые «ошибочные» и порицаемые словарями синтаксические неологизмы, такие, например, как *vitupérer contre qqn.* (поносить, ругать кого-то), *se rappeler de qqch.* и *pallier à qqch.* (*résoudre d'une manière provisoire* – временно решить проблему: «On pallie généralement au manque de matériel par des hommes» [4]), по авторитетному свидетельству автора фундаментального труда по неологии Ж.-Ф.Саблероля получают столь широкое распространение в языке, что перестают ощущаться неологичными. «Il arrive fréquemment qu'on se fasse reprendre quand on emploie les constructions « officielles »!», - замечает лингвист [7, с.178].

Не только нарушение глагольного управления, но и любое изменение в синтаксической сочетаемости или в отборе отличительных признаков, присущих субъекту или объекту глагола (таких, например, как одушевленность – неодушевленность, абстрактность – конкретность, исчисляемость – неисчисляемость), может вызвать неологический эффект и привести к появлению неологизма, синтаксического по своей природе. Очевидно, что нормативные словари, по своей природе достаточно консервативные и не всегда успевающие за быстро меняющимся узусом, отражают синтаксические возможности единиц лишь частично, не всегда указывают и ограничения их синтаксической сочетаемости. Так, например, словарь не отмечает специально, что глагол *énumérer* требует дополнения только множественного числа (это вытекает лишь из приводимых примеров), и появление у этого глагола дополнения в единственном числе *énumérer le paysage* (пример J.-F.Sablayrolles [7]) реализует очевидный неологический сдвиг.

То же «синтаксическое отклонение» мы наблюдаем и у глагола «*agripper*» «хватать», предполагающего наличие одушевленного субъекта и неодушевленного дополнения. И зафиксированное пассивное употребление «*agrippé par cette question*» с неодушевленным абстрактным дополнением кажется отклонением от «ожидаемого» употребления. Неологический эффект, ощущаемый во фразе *Les Français ont rétréci les socialistes*, объясняется теми же причинами (вместо ожидаемого неодушевленного дополнения привлекается одушевленное).

Приведенные примеры показывают, что в большинстве случаев в рамках подобных конструкций реализуется образное, часто метафорическое переосмысление используемых слов. Важно, что эти переносные значения ранее не были «освоены», лексикализированы, закреплены в словарях в качестве примеров возможной сочетаемости единиц.

Нарушение в отборе лексических признаков и несовместимость семантических компонентов объединяемых слов может проявляться не только в глагольной, но и в именной группе. Так, сочетание *un OVNI lyrique* иллюстрирует несовместимость имени со своим определением, а в неологизме *le syndrome infirmières* вместо ожидаемого именного дополнения – имени собственного (того, кто первым описал этот синдром) привлекается имя нарицательное *infirmières*. Пример еще раз демонстрирует, что изменения синтаксические влекут за собой и изменения семантики: *le syndrome infirmières* – это отнюдь не медицинский термин, этот образный перенос означает страх (властей) перед крупными социальными волнениями, сравнимыми с известными получившими широкий общественный резонанс забастовками медперсонала.

Последний пример подводит нас к еще одной возможности создания синтаксических неологизмов, связанной с **изменением лексической сочетаемости в рамках устойчивой конструкции**. Известно, что некоторые слова демонстрируют стабильность коллокации, то есть как бы сигнализируют о постоянстве употребления рядом с собой определенного

другого слова: *aborigène* – со словом *d'Australie*, *libidineux* – с существительными *propos* или *vieillard*, и пр. Нарушение привычных лексических связей, новая сочетаемость мгновенно отмечается носителями языка как «отклонение», и замены воспринимаются, по изысканному определению, данному этому явлению еще в 19 в., как «*accouplements bizarres de mots étonnés l'un de l'autre*» (*Mercure de France*, цитируемое в HLF [2, с.760]). Этот эффект «удивления» - и есть неологический эффект. Любое нарушение лексической сочетаемости внутри привычной более или менее устойчивой синтаксической структуры и проявляющийся при этом «эффект неожиданности» от такой подмены ведет к появлению синтаксического неологизма.

Но ощущение новизны проявляется лишь при соотнесении с известной конструкцией. Так, напр., неологизм *la Serbie profonde* (*l'Express*) базируется на наличии исходного, уже закрепившегося в языке фразеологического единства *la France profonde*, известное *union libre* лежит в основе единства *désunion libre*, рекламный текст *le fou vivre* «работает» на фоне *le fou rire*. Сохранены в памяти «одним блоком» и более развернутые исходные конструкции: пословицы, сентенции, названия худ. произведений, фильмов, цитаты из классиков, отдельные фразы-высказывания известных людей, отрывки из песен и многое другое. Сама способность такой исходной конструкции к вариативности свидетельствует о ее фразеологической закреплённости в языке, и любые ее модификации ведут к ощутимому стилистическому эффекту. Этот эффект объясняется совмещением сразу двух смыслов: с одной стороны, смысла известной фразеологической единицы (имплицитно воспроизводимой), и с другой – смысла единицы видоизмененной, смысла аллюзивного, собирательного, «двойного». В результате, приобретается «добавленный» смысл. Причем этот добавленный смысл ощутим лишь при знании исходного (стереотипного), модифицируемого оборота. Этот прием «добавленного смысла» широко эксплуатируется в рекламных текстах. Так, рекламный слоган, имеющий целью привлечь покупателя низкими ценами - *Quand on aime on compte quand même* – воспринимается на фоне известного выражения «*quand on aime on ne compte pas*», и текст приобретает искомый смысл лишь в соотнесении со знанием этой исходной структуры. Естественно, преобразованное высказывание оказывается семантически более емким. Ср.(слоган единой европейской валюты): *L'Euro fait la force* на фоне известного «*L'union fait la force*», или *la France, fille aînée de la paysannerie* – на фоне известного «*La France, fille aînée de l'Eglise*» [7, с.162]. В акте создания синтаксических неологизмов этого типа одновременно действуют два парадоксально связанных приема: цитация и модификация, и «новизна» проявляется лишь при отклонении от известного, сохраненного в памяти.

Уже новая конструкция может, как и исходная, лексикализироваться (хотя бы на какое-то время), стать воспроизводимой и по той же модели порождать целые неологические серии. Так, встретившиеся в прессе три разные конструкции: *la resistible ascension des dépenses de santé*, *la resistible*

remontée des Français, la resistible ascension de la vidéosurveillance – все отсылают к уже известному: к названию пьесы Б.Брехта «La resistible Ascension d' Arturo Ui» («Карьера Артуро Уи, которой могло не быть»).

Аллюзивный, собирательный смысл синтаксических инноваций рождается при отсылке к общефоновым знаниям, связанным с той или иной конструкцией. Так, напр., в рекламе автомобиля *Le charme discret de la Fiat 500* содержится отсылка к известному названию фильма Бонюэля *Le charme discret de la bourgeoisie*, и, напротив, название фильма *Une femme peut en cacher une autre* (или – серийно - любая другая конструкция по модели «qqch. peut en cacher un autre»)- апеллирует к общим знаниям формулы *Attention, un train peut en cacher un autre* – всем известного предупреждения, вывешиваемого на железнодорожных переездах. Создатель сообщения базируется на общефоновых и общелексических знаниях, при отсутствии которых аллюзивный смысл не возникает, и воспринимаемая буквально конструкция теряет статус синтаксической инновации и присущей ей «добавленный смысл». Так, например, без соотнесения со знанием исходной конструкции - известным метафорическим выражением Де Голля «*inaugurer les chrysanthèmes*» со значением «*se livrer à des activités officielles insignifiantes, lorsqu'on a le pouvoir politique*» - семантически неполной остается фраза *Les maires d'arrondissement ... inaugurent les couches-culottes* (пример J.Pruvost, J.-F.Sablayrolles [6]), дающая понять, что мэры занимаются непонятно чем, ерундой, пустяками, малозначительными делами (открытие яслей) из-за отсутствия либо реальной власти, либо способностей.

Итак, последний рассмотренный тип синтаксической неологии, основанный на различных отклонениях от стереотипной конструкции, является действенным инструментом современной риторики. Он характеризуется следующими чертами:

- 1) данные неологизмы всегда имеют преднамеренный и индивидуальный (личностный) характер;
- 2) они создаются в целях достижения определенного стилистического эффекта;
- 3) они ориентированы на общелексические и общекультурные фоновые знания, при отсутствии которых конструкция не является неологической;
- 4) их «неологический эффект» связан с нарушением целостности исходной «ожидаемой» конструкции, имплицитное воспроизведение которой ведет к появлению «добавленного» смысла и делает инновацию более семантически емкой.

Сформулируем краткие выводы:

- Неологичность структуры может проявляться не только в новизне формы или значения, но и в новизне комбинаторной, синтаксической.

- Синтаксическими неологизмами мы называем 3 типа единиц:

1. образованные по конверсии и приобретшие новые синтаксические функции и новую лексическую сочетаемость;

2. основанные на более или менее регулярном отклонении от известной синтаксической модели;
 3. основанные на намеренной (нерегулярной, возможно, одноразовой) модификации стереотипной конструкции.
-

1. Brunet S. Les mots de la fin du siècle. – P. : Belin, 1996.
2. Brunot F. Histoire de la langue française. – P. : A. Colin, 1905-1943, rééd. 1966.
3. Gilbert P. Dictionnaire des mots contemporains. – P. : Les usuels du Robert, 1980.
4. Le Nouveau Petit Robert de la langue française. – P. : Le Robert, 2007.
5. Nouveau Larousse illustré, en 7 volumes. – P. : Larousse, 1898-1907.
6. Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les néologismes. – P. : PUF, 2003.
7. Sablayrolles J.-F. La néologie en français contemporain. – P. : Honoré Champion Editeur, 2000.
8. Walter H. Le français dans tous les sens. – P. : R. Laffont, 1988.